«Ленинская смена»
г. Горький

7

20 ДЕК 1980

НОВЫЙ роман В. Маслова («Север», № 5, 6), известного уже читателю автора «Круговой поруки», посвящен нравственным последствиям «переселения» родителями детей из деревни в город, имевшего место в послевоенные годы. Действие романа происходит в северной деревне Крутая Дресва, прикнутой жителями, куда приезжает бригада стариков на ловлю семги и с нею Паисий Назарович. Емуто и предстоит полной мерой пережить отцовскую драму, столкнувшись с жестокостью сына Осипа, требующего, чтобы отец передавал пойманную рыбу ему — из рук в руки.

Для Осипа «совесть» звучит как личное оскорбление, как синоним глупости. У бригадира Павла Петровича, может, совесть? Осип покупает ее тут же, не таясь. Почему же упорствует отец? Не столько рыбина нужна Осипу, сколько надо сломить отца — это означает самому утвердиться в принципах своеволия и корысти.

И когда приходит Паисий украдкой на поветь, где у него карбас делается, украдкой, потому чтобы с сыном не встретиться, видит он: весь нос карбаса, вся носовая кокора сверху донизу разодрана тонкой глубокой коричневой трещиной. И ничего уже не сделаешь, не отремонтируешь.

Ух, какие крутые, силицы невероятной характеры у В. Маслова! Одна Домна-Кокуй чего стоит. Этой-то, кажется, и вообще не за что в жизни держаться — замужем не была, детей нет и не было, но держится силой духа, крепкой верностью народным обычаям держится. Пересадит на Домну с ее мощнейшей корневой системой в «сладкую жизнь» —

**ЭКСПРЕСС —
КОММЕНТАРИЙ**

ЛИТЕРАТУРА

И

ИСКУССТВО

**ОТЕЦ
И СЫН**

ни Домне от того, ни жизни прибýtка не станет.

Домна, Степан, Трифон, Истополь, Ксенофонт — каждый здесь достоин внимания, вглядывания и раздумий: с таких, как они, все и начинается, они — корни, от них ствол, побеги, ветви...

Горький осадок остался на душе от романа, а в горечи этой — надежда. Вот мальчишки Ростик и Артем, для которых Паисий Назарович — как сказка либо легенда, мечтают, когда вырастут, пароход построить и дать ему название «Крутая Дресва». Никто уже не живет в Крутой Дресве. Но не даром же не продавали и не продают дресвяне родных углов, все еще надеются — а вдруг доведется тут когда-нибудь пожить?

И бригада есть, останется, и бригадир намечается новый, Иван Борисович, коммунист, дальновидный хозяин. Ведь в чем соль существования дресвянской бригады пенсионеров, которая семгу ловит? Кабы

только экономическая польза, тут и толковать особо нечего. Нет, трижды прав Яков Кожевников, утверждая: «А для себя мы должны уяснить, что браконьеры хотя и смеются, мол, старики дресвянские по глупости берут себе только на уху, но даже браконьеры видят: старики с их скупой глупостью — как память! Оказывается, можно по совести работать». Дресвянская бригада — другим бригадам пример: «Надо, чтобы как у наших стариков, большинство в бригаде всегда наши и оставалось. Это главное! Чтобы совесть не растерять».

У В. Маслова нет открытого авторского вмешательства в жизнь, у него люди сами испивают чашу до дна, которую сами же и наполнили, автор тут не при чем, и потому он может совершенно свободно появиться и исчезнуть вновь без видимой обязанности, просто потому, что и ему есть место на жизненном пиру — как же иначе? В романе «Из рук в руки» это сделано всего лишь однажды: когда Трифон предложил Ростика на следующий год в бригаду взять и обрадовался Ростик, как никогда еще не радовался. Тогда и воскликнул автор: «Дай тебе бог, Ростик! Чтобы хоть еще раз в жизни взлетели вот так же светло и счастливо легкие твои крылышки! Гляжу на тебя и плачу... самого себя вижу».

Слияние производственного жанра с очерком нравов, происходящее в нравственном узле повествования, многоголосая структура романа, прямая обращенность речевой стихии к читателю — все это позволяет говорить о жанре народного романа, создаваемого Виталием Масловым. Жизненная история Паисия Назаровича предстает в нем как неподдельная правда жизни.

В. ХАРЧЕВ.